

Александр В. Берташ

Церковное строительство в Польше и на Северо-западе России в середине-конце XIX в.

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern
Europe 1, 235-256

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
 Польша – Россия: Искусство и история
 Том I

Александр В. Берташ, священник
 Санкт-Петербургский государственный Университет;
 Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Церковное строительство в Польше и на Северо-западе России в середине-конце XIX в.

Храмостроительство 1830–1910-х годов, как в России, так и в пределах Царства Польского – Привисленского края, развивалось преимущественно в рамках русского стиля. Под русским стилем мы будем понимать направление в российском зодчестве в 1830–1910-х годах, представители которого в стилистике эклектики (историцизма),¹ а в начале XX века – модерна, стремились к возрождению национальной традиции, в основном утраченной с эпохи петровских реформ,² и ориентировались в своём твор-

честве на древнерусское наследие: принципы формообразования и, в первую очередь, использование элементов декора древнерусской, допетровской архитектуры (конечно, в соответствии с уровнем развития историко-архитектурной науки). То.е., русский стиль в церковном строительстве представляет собой сложный историко-художественный, религиозный и идеологический феномен. Феномен храмостроительства в Польше до настоящего времени мало исследован, особенно с архитектуроведческой стороны. Изучению русского имперского искусства посвятил большинство своих трудов безвременно ушедший проф. Петр Пашкевич.³ Истории постройки храмов в Центральной Польше посвящено тщательное исследование А. Сосны и К. Сокола *Купола над Вислой* (2-е изд.: *Церкви в Центральной Польше. 1815–1915*).⁴ Крупнейшим специалистом по истории православия в Восточной Польше является прот. Григорий Сосна, автор значительного числа библиографи-

¹ Основной чертой архитектуры эклектики, получившей повсеместное распространение в европейском зодчестве XIX в., было формирование архитектурного образа «на основе «умного выбора» соответствующих прототипов, которые ассоциировались с идейным и функциональным содержанием конкретного сооружения» – как «отдельных деталей – знаков, дававших лишь намек на исторический стиль», так и «воспроизведение целостных архитектурных организмов в соответствии с их традиционными принципами формообразования». Кириков (1993а: 208). По определению Е.И. Кириченко, историцизм – «ориентация на определенный образец как исторический прототип и моделирование современности по образцу идеализированного исторического прошлого». Кириченко (1988: 130–143). Последнее – важная черта эклектики, особенно в приложении к церковному строительству.

² «После Петра Великого русский стиль начал обращаться в миф», – писал теоретик и практик русского стиля XIX в. А. Т. Жуковский. Жуковский (1856: 5).

³ Paszkiewicz (1991); Paszkiewicz (1999). См. также сборники научных конференций, в которых П. Пашкевич являлся редактором или соредактором и одним из авторов: Konstantynow, Paszkiewicz (1994); Konstantynow, Piaseczny, Paszkiewicz (2001).

⁴ Sokoł, Sosna (2003); Sokoł, Sosna (2011).

ческих и исторических трудов.⁵ Русской церковной архитектуре в пределах Польши посвящена монография Петра Красного.⁶ Много „белых пятен” в биографиях и творческих характеристиках архитекторов, строивших в Польше православные церкви в конце XIX – начале XX века.⁷

В данной работе рассматривается стилистическая эволюция храмостроительства в Восточной и Центральной Польше (в соответствии с условными границами этих регионов, предложенными А. Сосной и К. Соколом) в сопоставлении с эволюцией русского стиля в России, прежде всего, в столичном Северо-западном регионе.

До 1830-х гг. не происходило систематического обращения зодчих к древнерусскому наследию. В период, предшествовавший распространению русского стиля – эпоху Александра I и начало царствования Николая I, храмостроительство осуществлялось в формах позднего классицизма. Провинциальное церковное строительство велось как по авторским, так и по образцовым проектам в классицистическом духе (первая публикация – 1824 г.).⁸ Первый русский храм в Польше – Александро-Невский в Варшавской цитадели, был построен в 1835 г., и, как и аналогичная ему Георгиевская соборная церковь в Новогеоргиевске (Модлине, 1837 г., обе не сохр.), выдержан в традициях классицизма (арх. А. Голонский). Вариантами реализации образцовых проектов в Польше являются профессионально выстроенные, но архаичные по своей архитектуре для своего времени (1840-е гг.) классицистические Никольский собор в Белостоке (1843–1846 гг.) и Успенская церковь в Заблудове (1847–1855 гг.), а также Успенский собор в Сувалках до перестройки (1837–1840 гг., архитекторы Г. Маркони, К. Тон /?/).

Русский стиль с 1830-х гг. прошёл несколько этапов развития, выражавшихся преимущественно в смене стилистики: предпочтений заказчиков и строителей в выборе прототипов – памятников зодчества Древней Руси тех или иных эпох (хронологический принцип) и регионов (географический принцип). Можно выделить четыре этапа (направления) его стилистической

эволюции, отчётливо выраженные в храмостроительстве крупных, прежде всего столичных, городов – „тоновский” („русско-византийский”, „официально-академический”) (1830–1870-е), собственно русский („романовский”, „московско-ярославский”) (1880 – нач. 1900-х), неорусский („псковско-новгородский”) (1900-е) стили и ретроспективизм (1910-е), а также различные стилевые вариации. Исходя из сложившейся классификации фаз развития русского зодчества XIX – начала XX вв., „русско-византийский”, или „тоновский”, стиль можно отнести к этапам позднего классицизма и ранней эклектики, собственно русский, или „московско-ярославский”, – к зрелой эклектике, неорусский – к модерну, ретроспективный совпадает с распространением в гражданском зодчестве неоклассицизма.⁹

В православном церковном строительстве русский стиль оказался быстро и с триумфом принят заказчиками из различных социальных слоев общества, в том числе из купечества, а в период великих реформ – и из крестьянства, и безраздельно доминировал с 1830-х гг. до революции 1917 г. (будь то строительство по „авторским” или типовым проектам, в империи или за ее пределами), тем самым являясь одним из невербальных свидетельств о духовной жизни русского народа. С другой стороны, сам стиль проявился, прежде всего, в храмостроительстве. В отличие от предшествовавших архитектурных эпох, „самыми характерными образцами национального направления стали церкви и соборы”.¹⁰ Начиная с Тона, церковное зодчество приобрело особое, как это было в Средние века, „стилеформирующее” (Е. И. Кириченко) значение в сравнении с гражданским, становится ведущим и обособленным типом в русской архитектуре.

Но попытки соотнести церковный опыт XIX – начала XX вв. с созданием конкретных архитектурных форм представляются достаточно искусственными. Практически отсутствуют нарративные источники, позволяющие проследить какую-бы то ни было связь между стилями

⁵ См., напр.: Sosna (2000).

⁶ Krasny (2003). См. также: Sienkiewicz (2006); Synalewska-Kuczma (2004).

⁷ Из старых публикаций см.: Łoza (1931).

⁸ Подробнее см.: Пуятин (2013: 107–173).

⁹ Представление о строгих хронологических границах данных этапов и о возможности четкой классификации всех, стилистически разнообразных, церковных построек этой эпохи было бы очевидной натяжкой: „Последовательная смена стилей существует лишь как идеальная схема”. Кириченко (1988: 132). Подробнее см.: Берташ (2013: 178–198).

¹⁰ Славина (1994: 472).

русского церковного зодчества и явлениями духовной жизни или каноном. „Поиск национального стиля стимулировался в большей степени социально-политическими, нежели церковными мотивами”.¹¹ Он происходил и в других европейских государствах и проявился в формах английской, немецкой и французской неоготики, неороманского стиля в Германии, французского неоренессанса.¹²

Храм становился средоточием идей народности и национальности. Особенно очевидно национальное начало воспринималось как приоритетное – в сравнении с литургическим назначением храма – в церковном строительстве собственно русского („московско-ярославского”) и ретроспективного направлений, при строительстве на национальных окраинах. Храмы в русском стиле должны были подчеркнуть историческую преемственность правителей Нового времени с царями Московской Руси, неизбежность основных устоев империи – русский стиль проявлял себя как „высокий”, репрезентативный. В области архитектуры, являющейся наиболее „государственным” искусством, только он зримо воплощал единство Православной Церкви, самодержавной власти и национального начала в соответствии с известной триадой министра народного просвещения гр. С. С. Уварова.¹³

Начало русскому стилю положил в 1830 г. император Николай I, выбрав в результате конкурса на постройку церкви св. великомученицы Екатерины в Санкт-Петербурге проект архитектора К. А. Тона в стиле храмов московской школы XV–XVI столетия.¹⁴ „Екатерининская церковь явилась первым опытом возрождения русских архитектурных форм после двухвекового забвения”, – писал впоследствии выдающийся мастер русского стиля Василий А. Косяков.¹⁵ От фамилии зодчего происходит одно из наимено-

ваний первого этапа стиля – тоновский¹⁶ (другие его наименования – „русско-византийский” по идеологическому содержанию, „официально-академический”).

К. А. Тон¹⁷ соединил в своем творчестве традиции древнерусского монументального зодчества XV–XVI вв., классицистическую школу (не случаен его выбор в качестве прототипа древнемосковских храмов, построенных по заказу Ивана III итальянскими мастерами) и профессионализм, ассимилировал идеи рациональной архитектуры, классицизма и романтизма. Он, как писали современники, „слышал голос века” и стремился найти в своем творчестве связь полезного и прекрасного, по его собственным словам – выбрать стиль, „приличный сущности дела”, т.е. функциональный и экономичный. Русская национальная традиция позволила Тону постепенно „освободиться” от атектоничного по своей природе римского ордера, распространенного в отечественном церковном строительстве эпохи классицизма, но при этом сохранить ориентацию на „классицизирующую” раннемосковскую архитектуру XV–XVI вв.

Вскоре после своего возникновения русский стиль был официально, в том числе законодательно, одобрен¹⁸ (что редко для новых явлений в искусстве). Поддержка „главного заказчика” – государя, связь с абсолютистскими идеологическими и политическими установками, позволили новому направлению изначально получить широкое распространение. Уже в 1831 г. император поручил молодому зодчему строительство храма Христа Спасителя в Москве (1839–1881 гг.). Но русский стиль был „порождением в основном петербургской архитектурной школы”.¹⁹ Для Санкт-Петербурга тоновские храмы создали новую систему градостроительных доминант, полковые церкви выразили тип героико-монументальных сооружений.²⁰ Можно сказать, что,

¹¹ Щенков, Вятчина (1996: 57, 75).

¹² См. Вауг (1981); Mignot (1983).

¹³ Сформулированной, впрочем, несколько позже появления первых проектов в русском стиле К. А. Тона – в 1833 г. Е. И. Кириченко отмечает сходство ситуации в России, Пруссии и Баварии: „активное вмешательство абсолютистского государства в ход архитектурного процесса во имя реализации идей, объективно враждебных ему – народности и национальности, общность ведущих типов зданий”. Кириченко (1993: 23).

¹⁴ См. Славина (1989: 104–109); Кириченко (1995: 68–74).

¹⁵ Косяков (1896).

¹⁶ В первый раз данный стиль назвали „самобытным, русским, тоновским” в 1841 г. См. Борисова (1979: 111). Характеризуя архитектуру Введенской церкви Семеновского полка, П. Н. Петров писал, что она – представление „полного характера новейших греко-российских церквей, который совершенно справедливо и для всех понятно называю именем изобретателя”. Отчет (1866: 112).

¹⁷ О нем см.: Славина (1989); Лисовский (2000: 62–84).

¹⁸ Устав (1842: ст. 100, 101).

¹⁹ Кириков (1993а: 208–209).

²⁰ „Возведение многочисленных церквей в «русском стиле» должно было придать европеизированной столи-

благодаря тоновским постройкам произошли „архитектурная русификация” и своего рода „воцерковление” столицы. Санкт-Петербург приобрел облик традиционного русского города.²¹

В столице строительство храмов велось по авторским проектам, фасады, согласно требованиям Устава строительного, утверждались императором. В сооружениях конца 1840-х – 1850-х гг. ближайших учеников и преемников К. А. Тона – Н. Е. Ефимова, К. И. Брандта можно видеть влияние тоновских образцов. Крупнейшие зодчие того времени – Р. И. Кузьмин (соборы в Гатчине и в Париже), А. И. Штакеншнейдер, москвич М. Д. Быковский, ориентировались на тоновские проекты. Это свидетельствует не только о желании соответствовать вкусу государя, но и о том, что они оказались чрезвычайно удачны и своевременны.

В пределах Царства Польского и приграничья в этот период был построен ряд храмов, выдержанных скорее в западноевропейских классицистических формах, но завершенных пятью луковичными главами и с элементами средневекового декора (Покровская церковь, Дубно Гродненской губ., 1842–1850 гг., церковь св. мученицы Александры в Станиславове, 1844–1846 гг., с угловыми башнями и романскими и русскими (щипцы) деталями, не сохр.; Иоанно-Богословская церковь, Холм (Хелм), 1845–1852 гг., арх. Л. Радзишевский, с 1928 г. – собор). В православном храмостроительстве в пределах центральной Польши с начала 1850-х гг. наступил 15-летний перерыв, на востоке оно продолжалось.

Луковичные завершения (чаще пятиглавие, иногда одна глава), как в Польше, так и в России, стали главным символом русского начала в церковной архитектуре, декларируя принадлежность храма православной и национальной традиции. Семантически значимыми национальными элементами, исходя из проектов Тона, стали восприниматься также кокошники, особенно килевидные, реже – полуциркульные; арочки, аркатурные и позднее – аркатурно-ко-

лончатые пояса (владими́ро-сузда́льский мотив), во втором тоновском альбоме в качестве таковых появился и шатер, а также квадратные впадины – ширинки. Все эти элементы присутствовали в многочисленных тоновских храмах России, в большинстве своем снесенных в советское время.

Особое значение в церковном проектировании на Северо-западе и в русской провинции в целом, а также в Восточной Польше, Белоруссии и Прибалтике, имело храмостроительство по образцовым проектам в русском „тоновском” стиле. В начале 1826 г. в ответ на многочисленные пожелания Синод обратился к новому императору Николаю I с просьбой дополнить собрание образцовых проектов несколькими, составленными „по примеру древних православных церквей”. Доклад, утвержденный императором 11 февраля 1828 г., предписывал строить храмы „по наилучшим и преимущественно древним образцам церковной архитектуры с должным приближением к потребностям и обычаям Православной Церкви”.²² Синод предложил составить образцовые проекты К. А. Тону. Однако лишь в 1838 г. в Санкт-Петербурге был издан альбом чертежей *Церкви, сочиненные архитектором Его Императорского Величества, Профессором Архитектуры Императорской Академии Художеств и членом разных иностранных Академий Константином Тоном*, посвященный автором императору. В издание вошли 11 проектов, как построенных церквей, так и специально сочиненных для альбома, одной колокольни, двух иконостасов и часовни, преимущественно выполненных в 1830–1834 гг. – всего 20 листов. В 1841 г. император повелел, чтобы при составлении проектов „православных церквей преимущественно и по возможности сохраняем был вкус древнего византийского зодчества”, для чего „могут с пользою применяемы быть в соображение чертежи, составленные на построение православных церквей профессором Тоном”.²³

В 1844 г. вышло в свет издание *Проекты церквей, сочиненные... К. Тоном. Дополнение 1-е*, оказавшееся единственным и также посвященное императору. Оно включило 12 проектов, в том числе шатровых каменных, а также деревянных церквей; образцы иконостасов. Литографиро-

це черты национальной самобытности”. Кириков (1996а: 174).

²¹ До того, как в 1930-е гг. были уничтожены четыре из пяти спроектированных К. А. Тоном в столице храмов (кроме церкви Преображения Гренадерского полка) и два храма в дворцовых пригородах (один, Екатерининский собор в Царском Селе, воссоздан в 2012 г.).

²² Кириченко (1999: 127–137).

²³ РГИА (1841).

ванные издания альбомов были разосланы по епархиям. С этого времени начинается триумф тоновского стиля, закрепленный требованиями *Устава Строительного*:²⁴ он предусматривал, в первую очередь, желательность строительства в неклассицистических стилях.

Типовое проектирование осталось уделом провинции, но позволило резко поднять эстетический и функциональный уровень церковных построек. За редким исключением, построенные храмы не воспроизводили без изменений чертежи, предложенные в альбомах. Конечно, строитель располагал лишь рисунком, исходя из которого, он мог сам выстроить сооружение так, как ему и заказчику было удобно. Но при этом все элементы в построенных церквях имеют прототипы в тоновских альбомах, только скомпонованы по-разному. Это свидетельствует об органичности русского стиля, который давал возможность даже малопрофессиональным провинциальным архитекторам легко сочетать „ типовые ” элементы и создать архитектурно выразительный образ.

В петербургском округе образцовые проекты получили большое распространение, особенно в конце 1840-х – 1860-е гг.²⁵ Наиболее популярен был проект небольшого и простого в реализации бесстолпного храма „кораблем”, с трапезной и колокольной над папертью, увенчанного одной луковичной главой или пятиглавой, или просто с притвором. Одноглавые храмы с шатровым завершением более редки, как и пятишатровые храмы. Последние, пожалуй, наиболее выразительны благодаря своему пирамидальному силуэту – такой тип стал изобретением Тона, поскольку практически не встречается в древнерусском зодчестве. Тип пятиглавых с луковичными завершениями храмов с компактным кубовидным объемом, в своей основе соответствующих типу Введенского собора в Санкт-Петербурге или храма Христа Спасителя, являлся одним из излюбленных при проектировании

соборов в провинции и монастырях.²⁶ Образцы, где предлагалось завершение не луковичным куполом или шатром, почти не воспроизводились.

В 1830–1850-е гг. характер строительного законодательства изменился, он „из запрещающего и ограничительного сводится во многом к снятию бытовавших ранее запретов. Не отменяя укоренившихся принципов регулярности, новые указы были направлены на смягчение жесткости недавней регламентации”.²⁷ Но многие храмы по-прежнему возводились в тоновском стиле до начала XX в., особенно в отдаленных от столиц регионах (например, в Новгородской, Тверской епархии). Тоновский стиль встречался даже в поздних столичных постройках (русско-эстонская церковь во имя св. Исидора Юрьевского в Петербурге, арх. А. А. Полищук, 1905–1908 гг.).

Тоновские чертежи стали основой последующих изданий образцовых проектов (1857, 1861 и далее до 1912 г.), в том числе для отдельных регионов (Западные губернии, Сибирь).²⁸ Вслед за альбомами Тона в 1853–1855 гг. в Синоде и Министерстве государственных имуществ было подготовлено *Собрание проектов, утвержденных г. Министром внутренних дел, на постройку православных церквей в Белорусских губерниях* (изданы в 1863 г.).²⁹ Оно включило чертежи 40 деревянных и 18 каменных церквей. В западных губерниях по фамилии губернатора М. Н. Муравьева-Виленского такие храмы называли „муравьевками”.

Единственным храмом на территории Польши, чертежи которого вошли в тоновский альбом образцовых проектов (2-й), является единоверческая Покровская церковь в с. Покровском (Каролин) Сувалкской губернии. Трехпрестольный пятиглавый храм с приделами святителя Николая Чудотворца и преподобного Феодосия Печерского был сооружен в 1847–1852 гг. и ориентирован на тип Введенского собора (капитально перестроен).

Наиболее распространенный на Северо-западе тип трехчастного одноглавого храма

²⁴ См. Устав (1842: ст. 10). „При составлении проектов на постройку, починку и распространение церквей должны быть соблюдаемы достоинство и приличие в архитектурном отношении с сохранением предпочтительно древнего византийского стиля”. Указание на „образцовые чертежи архитектора Тона” содержит и ст. 100.

²⁵ Подробнее см.: Bierasz (1998: 157–170). Сведения о церквях и архитекторах см. Антонов, Кобак (2010); Кириков (1996); Антонов, Бергаш, Исакова, Крылов, Шкаровский, Яковлев (2006).

²⁶ См.: Павлова (2002).

²⁷ Кириченко (1984: 126). См. также: Власюк (1985: 226–246).

²⁸ Напр., см.: Морган (1845); Атлас (1853). См. также Кириченко, Нащокина (2001: 222–239).

²⁹ См. подробнее: Слюнькова (2010). О храмах Белоруссии см. также: Кулагин (2007).

неоднократно реализовывался и в пределах Западных губерний, включая нынешнюю Восточную Польшу (церкви Рождества Богородицы в Крынках, 1864 г., свят. Николая Чудотворца в Волковыске, Белоруссия, 1874 (1864?) г., архитекторы Власов и Гурьев;³⁰ св. Димитрия Солунского в Жерчицах (*Żerczyczach*)).

В сельской местности в Эстляндской и Лифляндской губерниях строительство храмов на основе образцовых проектов, но с использованием местного строительного материала (булыжного камня) было преобладающим до начала XX в. (илл. 1).³¹ Примеры подобного рода неоднократно встречаются и в пределах современных Литвы и Белоруссии, в т.ч. близ польской границы: так, одноглавые кубические, с колокольнями, храмы из местного булыжного камня представляют собой Никольская церковь в Нарашах (1860 г.), Рождество-Богородицкая церковь с. Дакудава (1866 г.), Рождество-Богородицкая церковь в Раковичах (1866, 1910-е гг.) и Успенская церковь в дер. Гольни (1866, 1903 гг., все – Гродненская обл., Белоруссия), ряд храмов Минской губ. Утяжеленными пропорциями и использованием при строительстве местного булыжного камня отличается Свято-Духовская церковь в Озерах, 1867 г., местный камень использован при постройке Димитриевской церкви в Малой Берестовице (1868 г.). На тот же образцовый проект ориентированы Михайло-Архангельская церковь в Новом Дворе (1868 г., воссоздана в 1990-е гг.), Крестовоздвиженская церковь в Головачах 1877–1881 г., гродненский губернский архитектор И. Колянкевич, Александро-Невская в Индуре, 1881 г. (все – на территории Белоруссии), Преображенская церковь в Сураже (1867 г., не сохр.), Никольская в Топильце (1870 г.) и Крестовоздвиженская в Фастах (1875 г.). Никольская церковь в Наревке (1865 г.) соответствует тоновскому образцовому проекту трехчастного храма с завершением в виде массивной луковичной главы.

Пятиглавая Петропавловская церковь в Семятичах (*Siemiatycze*, 1865–1866 гг.) имеет скромную отделку. От тоновских проектов она отличается лишь более грузными пропорциями шатровой колокольни над притвором. К аналогичному типу принадлежат церкви св. Алексан-

дра Невского в Сокулке (1850–1853 гг.), свв. Космы и Дамиана в Рыболах (1873–1877 гг.), Вознесения Господня в Новоберезово (1876 г.) и Рождества Богородицы в с. Мельник. Покровская церковь в Хороще (*Choroszcz*, 1878–1879 г.), завершенная глухим мелким пятиглавием, отличается мощной, богато профилированной шатровой трехъярусной колокольней с крупными кокошниками в завершении первого яруса. Церковь в г. Соколке (Сокулке) на 500 человек, как и церковь в местечке Деречине на 1000 человек, были сооружены по проекту известного виленского архитектора, академика Н. М. Чагина и, по свидетельству Гродненского губернского правления, отличались „в своей изящности как в общих, так в частных пропорциях, в особенности же по сокращению издержек... и опытного знания строительной части”.³² К похожему типу принадлежит Покровская церковь в Чёрной Церковной (1853, 1902 гг.).

Тип церкви на Собственной императорской даче из второго альбома Тона с трехщипцовым завершением фасадов представлен в Восточной Польше Петропавловской церковью в Василькове (1853 г.), также спроектированной Н. М. Чагиным. Ее отличительная особенность – луковичное пятиглавие и высокая отдельно стоящая надвратная колокольня с шатровым завершением и рустованным первым ярусом, богато профилированная в тоновских формах (1857 г., возможно, ее прототип – колокольня в Сокулке). Основной декоративный элемент храма – кокошники.

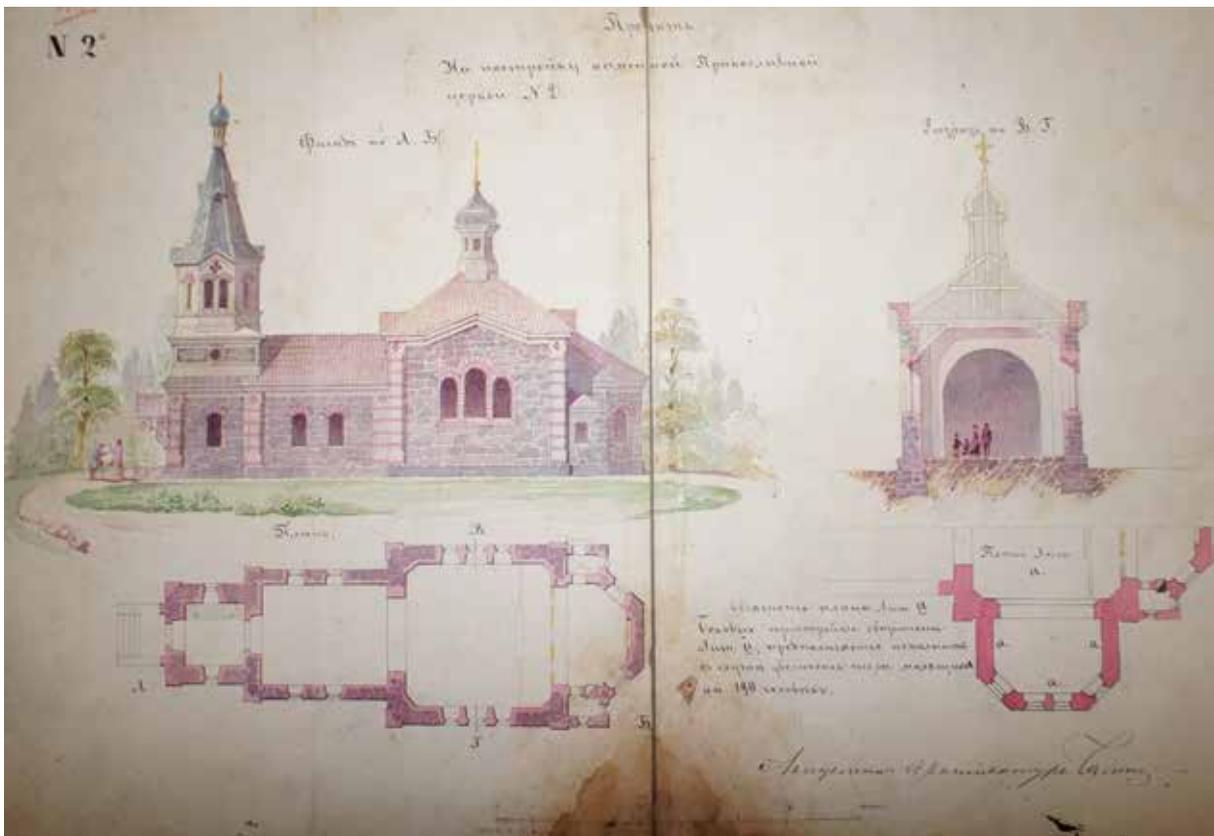
Менее оригинальны тоновские проекты деревянных храмов: они были рассчитаны на обшивку, воспроизведение композиции и декора каменной архитектуры, чаще всего типа „восьмерик на четверике”.³³ Строились, прежде всего, наиболее распространенные и в камне трехчастные храмы „кораблем”, в Польше – только на востоке: Иоанно-Богословская церковь в Мостовлянах (1861 г., с шатровой колокольней над притвором) и Покровская церковь в Поточке (1870 г.), а также построенные позднее церкви святых Космы и Дамиана в с. Телятичи (восьмерик с низким шатром) и иконы *Богородицы Всех Скорбящих Радость* в Токарях-Котерке (1912 г.). Пятиглавая деревянная Никольская церковь

³⁰ Кулагин (2007: 72–73).

³¹ Клешнина (2010); Пантелсев (2011: 32–47).

³² Жиркевич (1911: 37).

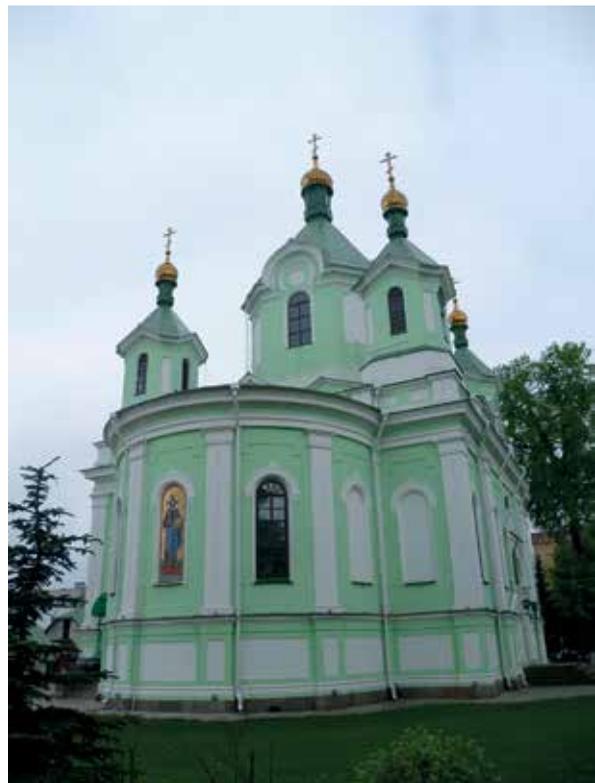
³³ Кириченко (1997: 104–105).

Илл. 1. Образцовый проект церкви для Лифляндской губернии, арх. Н. М. Чагин, Эстонский исторический архив, ф. 1655, оп. 2, д. 952, не публиковалось

с шатровой колокольной над притвором в Михалево была построена в 1908 г., аналогичная Покровская церковь в Пухлах – в 1912 г. Свои особенности имело позднее деревянное церковное строительство Холамщины и Подляшья.³⁴

После событий 1863–1864 гг. интенсифицировалось церковное строительство в пределах Центральной Польши. Первоначально планировалось построить 37 новых церквей, в первую очередь – соборы в губернских городах (число губерний в Царстве Польском, согласно реформе 1867 г., увеличилось в 2 раза – с 5 до 10). Был открыт ежегодный государственный церковно-строительный кредит в 100 тыс. руб. По подсчетам А. Сосны и К. Сокола, в 1864–1874 гг. в Центральной Польше было сооружено 8 церквей и начато 3. Всего за первую половину столетия русского господства в Польше (в Центральной Польше без Холамщины и в Подляшья) было построено 11 церквей, за вторую – более 80.³⁵ Присоединение униатов к Православной Церкви на Холамщине в 1875 г.

Илл. 2. Свято-Симеоновский собор, Брест, фото автора

³⁴ Слободян (1997: 76–82).

³⁵ Sokoł, Sosna (2011: 18–19).

привело к тому, что в других регионах Польши храмостроительство на время приостановилось.

Царствование Александра II отличалось по-листилистикой храмостроительства. В Польше до начала 1870-х гг. преобладал „тоновский” тип церквей. Репрезантивные пятишатровые соборы появились в губернских городах Центральной Польши³⁶ – Ломже, Сувалках и Седльце (Седльце), были построены соборы в Кельцах и Люблине. Свято-Духовский собор в г. Седлец (1867–1869 гг., полностью перестроен) представлял собой „тоновский”, близкий к центральному, храм с низким притвором и полуциркулярной апсидой. Основания шатров были декорированы килевидными кокошниками, фасады завершены треугольными фронтонами.

Вознесенский собор в Кельцах (1868–1870 гг., арх. Ковальский, не сохр.) (илл. 3) – тоновского типа крестообразный в плане храм с трехчастным делением фасадов, завершенных кокошниками, был увенчан двуступенчатыми луковичными главами-баними, вызывающими барочные ассоциации. Крестовоздвиженский собор в Люблине (1870–1874 гг., строитель инженер-генерал Хлебников, не сохр., илл. 4) включал близкий к кубическому основной объем, соединенный трапезной с четырехъярусной колокольной и увенчанный луковичным пятиглавием. Троицкий собор в Ломже (1873–1877 гг.) – базиликальный с шатровой колокольной (полностью перестроен). Успенский собор в Сувалках приобрел окончательный облик „тоновской архитектуры” после ремонтов 1881 и 1894 гг. (полностью перестроен, илл. 5). Его отличала аналогичная трехчастная базиликальная композиция, новое пятишатровое завершение уравновешивала шатровая колокольня над притвором.

Среди сооруженных в это время храмов в русском стиле, отличающихся более обильным, чем в тоновских проектах, декором, но по композиции соответствующих постройкам Тона – церковь Всех Святых в Петрокове Трибунальском (1846–1848, 1869–1870 гг., архитектор Маркевич), кладбищенская церковь св. Арх. Михаила в Плоцке (1871 г.), церковь (собор) св. Марии Магдалины в Варшаве на Праге

(1867–1869 гг., архитектор Н. А. Сычев, илл. 6), Кирилло-Мефодиевская церковь в Ченстохове (1870–1872 гг., построена по образцу предыдущей, перестроена), также близкая по стилистике и отличающаяся богатым пластичным декором в духе XVII в. пятиглавая Успенская церковь в Грубешове (Хрубешув, 1873–1876 гг.), церковь Христорожественская в Янове-Любельском (1877 г., не сохр., илл. 7), Петропавловская в Августове (1881–1884 гг., не сохр.), наподобие Александровской на Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге (арх. В. А. Колянковский, илл. 8); Никольская в Серпце (арх. Й. Горский, после 1865 г., полностью перестроена). В пятишатровой церкви Рождества Богородицы в Липске (1880 г., не сохр.) при воспроизведении тоновской композиции присутствуют новые элементы: многопрофильные волнообразные кокошники, открытая красно-кирпичная кладка. Ряд храмов, аналогичных по композиции и стилистике, был сооружен и позднее /церкви Вознесения Господня в Телятине (1883 г., не сохр.), св. Марии Магдалины в Плонске (1885–1886 гг., не сохр.), Покрова в Мехове (1897 г., не сохр.), свят. Николая в Острове-Мазовецком (1899–1901 гг., не сохр.) и Енджеюве (в память 300-летия Дома Романовых, 1912 г., не сохр.)/.

Помимо „тоновского”, в 1860-е гг., в пореформенный период, на уровне государственного заказа в качестве репрезентативного начинал преобладать византийский стиль, как очевидно из названия, ориентированный на архитектуру Византии, и „альтернативный” русскому стилю. Обращение к нему связано с началом изучения памятников византийского зодчества, „в особенности в наиболее доступном... грузинском и армянском его варианте” Г. Г. Гагариним и Д. И. Гриммом, выходом в свет книги *Византийские памятники* (1859 г.).³⁷ Первым примером византийского стиля в Польше и Белоруссии стал спроектированный Д. И. Гриммом Никольский собор в Брест-Литовской крепости (1874–1876 гг., илл. 9). Византийская линия широко и разнообразно представлена в Центральной Польше на протяжении 1870–1910-х гг. / пятиглавый Петропавловский собор в Калише (1875–1877 гг., не сохр., илл. 10); Александровский собор в Лодзи (1880–1884 гг., арх. И. Маевский); церкви во имя свят.

³⁶ Два пятишатровых собора были ранее сооружены на нынешней территории Белоруссии: св. Александра Невского в Кобрине (1864–1868 гг.) и св. Симеона Столпника в Брест-Литовске (1865–1868 гг.). (илл. 2).

³⁷ Борисова (1979: 118–119).

Илл. 3. Вознесенский собор, Кельце, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 4. Крестовоздвиженский собор в Люблине, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 5. Успенский собор, Сувалки, открытка, собрание А. Сосны

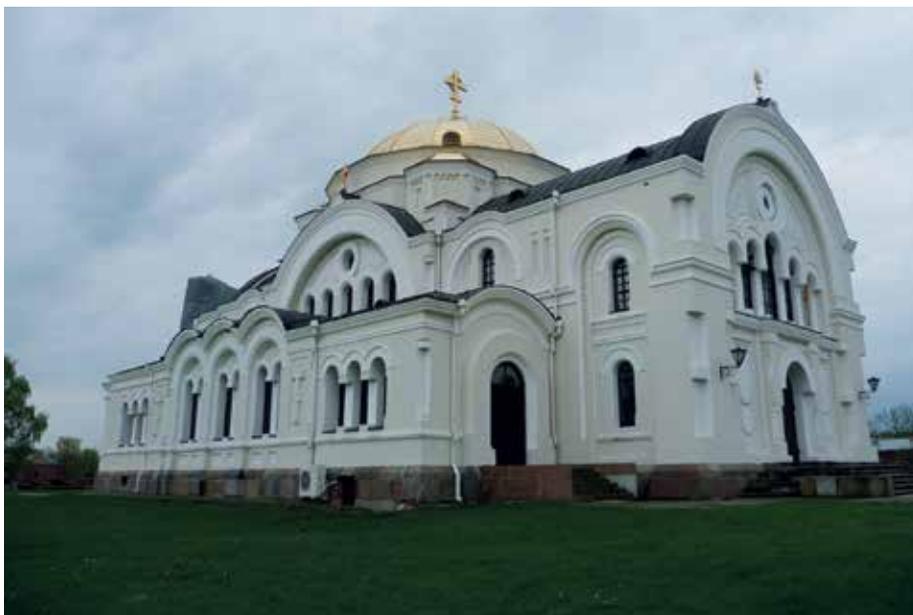
Илл. 6. Марие-Магдалининский собор, Варшава, главный фасад, фото автора

Илл. 7. Церковь Рождества Христова, Янов-Любельский, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 8. Александровская церковь, военное кладбище в Санкт-Петербурге, фото автора

Илл. 9. Крепостной Никольский собор, Брест, фото автора

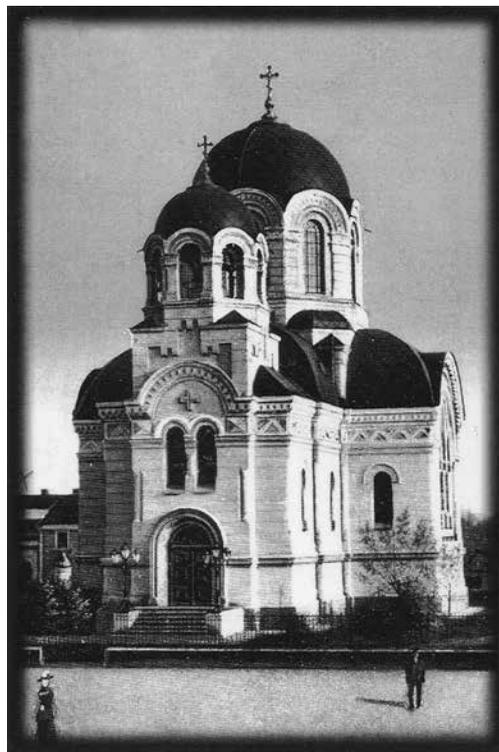
Николая: в Лукове (1898–1899 гг., не сохр.), в Томашове Мазовецком, в память коронации (1899–1901 гг., архитектор В. Н. Покровский, не сохр., илл. 11), в Кельце, военного ведомства (1901–1904 гг., архитектор С. И. (У?) Соловьев, перестроена) и во Влоцлавке (1902–1906 гг., архитектор В. И. Якунин); Крестовоздвиженская церковь в Рыгалувке (1901–1902 гг., перестроена), церкви преп. Серафима Саровского в Серадзе (1910–1912 гг., губ. инженер С. Л. Пинаевский, не сохр.); свят. Николая в Ленчице, 1913 г., не сохр., Воскресенский со-

бор в Белостоке, проект 1911 г., арх. К. П. Донцов, не сохр./.

В конце царствования Александра II тоновские композиционные решения обогатились новыми, не встречающимися в его альбомах, элементами отделки: романо-византийскими, изредка готическими, классицистическими. Большинство храмов, если они не были значимыми для империи постройками по государственному заказу, где стиль строго регламентировался, несли черты „переходной” архитектуры зрелого эклектизма. Эта тенденция сохранялась

Илл. 10. Петропавловский собор, Калиш, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 11.
Никольская церковь, Томашов Мазовецкий,
открытка, собрание А. Сосны

и в дальнейшем – в эклектичном „русско-романском” стиле было построено в 1870–1880-е гг. множество церквей (архитекторы Н. А. Бенуа, М. Д. Быковский, А. С. Каминский, Г. И. Карпов, М. А. Щурупов, А. Т. Жуковский, И. И. Буланов).

В Польше церковь св. Марии Магдалины в Граеве (1876–1878 гг., не сохр., илл. 12) и в меньшей степени – церковь св. Александра Невского в Александрове Куявском (Пограничном, 1877–1879 гг., не сохр.), церкви св. Георгия в Млаве (1877–1879 гг., не сохр.) и свят. Николая в Слупце (1878–1880 гг., не сохр.), выполненные по одному проекту, напоминали постройки Н. А. Бенуа (в частности, Спасскую церковь в Лисино-Корпусе Санкт-Петербургской губернии, илл. 13) с элементами готической и романской архитектуры. По сведениям А. Сосны и К. Сокола, их автором был синодальный архитектор Н. В. Трусов.

Из храмов, построенных в Холмском крае в 1888–1891 гг., следует отметить 4 церкви, сооруженных арх. В. И. Сычуговым. Два его проекта – церкви в Радоме (1890) и перестройки Софийского собора в Гродно (1895) – не были реализованы. Романские и византийские элементы, орнамент русских деревянных храмов наложены на трехчастную тоновскую композицию в церкви Рождества Богородицы во Влода-

ве в Люблинском крае, построенной в память спасения цесаревича Николая в Отсу и священного коронования императора Николая II (1893–1895 гг.). Тем же архитектором был спроектирован храм-памятник во имя свв. Кирилла и Мефодия в Холме – шатровый, с оригинальным декором (1884 г., не сохр.). Причудливый эклектизм, напрямую не связанный с конкретными прототипами, отличал не только вышеупомянутые проекты В. И. Сычугова, но и ряд других церквей в Польше, построенных в разные годы: св. Александра Невского в Любартове (1892–1893 гг., архитектор Язинский, в память спасения семьи императора Александра III в Борках, не сохр.), Введения во храм Богородицы в Рыпине (1895–1896 гг., губернский плоцкий архитектор Й. Горский, трехчастная с огромным плоским куполом и шатровой колокольней над притвором, не сохр.), Рождества Богородицы в Ласке (1901 г., не сохр.) и Успения Богородицы в Лодзи (1909–1914 гг.). Возможно, мемориальным характером объясняется присутствие классицистических элементов в архитектуре церкви в Унеюеве-усыпальницы Толей (1885 г.), завершенной 5 миниатюрными „византийскими” куполами.

1880-е гг. – время формирования нового этапа русского стиля, первоначально представленного своей неофициальной разновидностью

Илл. 12. Церковь св. Марии Магdalины, Граево, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 13. Спасская церковь, Лисино-Корпус, Санкт-Петербургская губерния, фото автора

и получившего после своего официального признания наименование „московско-ярославского”,³⁸ стиля XVII в., „русского возрождения”, „эпохи московских Царей”, собственно русско- или романовского. Первые храмы, предвос-

³⁸ Московское и ярославское „узорочье” воспринималось как нечто единое теоретиками архитектуры того времени.

хитившие следующий этап в эволюции русского стиля, построили в 1868–1871 гг. в с. Высоком Смоленской губ. архитектор Н. А. Бенуа и в 1866–1867 гг. в Женеве Д. И. Гримм.³⁹ К этой группе примыкают и сооруженные в 1870-е гг. храмы на Праге, в Ченстохове и Грубешове. Они ориентированы на богато декорированные посадские церкви XVI–XVII вв. – время первых Романовых.⁴⁰

Церковное зодчество этого периода формировалось под влиянием нескольких дополняющих друг друга источников. Первый – расширение сферы заказчиков из числа новых предпринимателей-недворян. Они привнесли представление о красоте как о богатстве отделки и имели возможности привлечь архитекторов-профессионалов, а не использовать типовые проекты. На фоне популярности воззрений славянофилов усилился интерес к народной деревянной архитектуре, в том числе гражданской. С развитием архитектурной науки (работы Виолле ле Дюка и его отечественных сторонников)⁴¹ как самобытное стало восприниматься русское зодчество, начиная с храма св. Василия Блаженного или с XVII в.

Торжество официальной линии нового направления русского стиля, как и в 1830 г., было связано с императорской волей. Император Александр III, „чутко относившийся ко всему русскому”, как писал о нем архитектор Н. В. Султанов, пожелал, чтобы храм – памятник на месте смертельного ранения его отца, государя Александра II, был построен в „чисто русском вкусе XVII столетия, образцы коего встречаются, например, в Ярославле”, а не в византийском стиле. „Государь очень интересовался церковным стилем XVII столетия московского периода и любил его”.⁴² В победившем на новом конкурсе в 1883 г. проекте храма во имя Воскресения Христова стиль этот получил максимальное воплощение (идея и проект архимандрита Игнатия (Мальшева) и А. А. Парланда). Храм стал, по выражению Б. М. Кирикова, „антологией русского зодчества XVII в.”.⁴³

³⁹ См. Лисовский (2000: 123–126).

⁴⁰ См. Кириков (1993а: 204–245).

⁴¹ См. Кириченко (1986: 240–249).

⁴² Попов (1916: 73, 128).

⁴³ Подробнее об этом см. Берташ (2005); Кириков (1993а).

В церковном зодчестве 1870–90-х гг. сохраняются объемно – пространственные композиции предшествующего времени, не появляются принципиальные конструктивные новшества. Но, если ранее декор имел лишь относительную самостоятельность, завершая построение формы „в соответствии с развиваемым «изнутри» структурным принципом»,⁴⁴ то теперь он, прежде всего семантически значимые русские элементы, к которым добавилась ширинка, приобрел самоценный характер, стал использоваться для „коврового заполнения” плоскости стены. Мотив получил универсальные идеологические, декоративные и даже тектонические „права”.⁴⁵ Характерно для данного периода высказывание известного архитектора и теоретика зодчества Н. В. Сулганова: „Вся форма будет русская, если элементы ее будут русские”.⁴⁶

Этот стиль доминировал в церковном строительстве долгий промежуток времени и, как декларативно национальный, получил широкое распространение в церковном строительстве, в том числе на национальных окраинах и за пределами Российской империи (напр., построенные крупным столичным зодчим М. Т. Преображенским Александро-Невский собор в Ревеле, 1894–1900 гг., и Христорождественская церковь во Флоренции, 1899–1903 гг.). Для храмостроительства в пределах Польши в период царствования Александра III и Николая II характерно одновременно и расширение круга благотворителей за счет купечества и чиновничества из России, и сохранение государственного заказа. В 1880-е гг. строительство храмов на казенный счет велось преимущественно на Холмщине и в Подляшьях. Но в начале XX в. вновь ежегодно стали строиться несколько новых церквей в городах. Более всего – по 6 новых храмов, было сооружено в Центральной Польше в 1903 и 1904 гг. В пределах Польши декларативно русский „московско-ярославский стиль” получил широкое распространение, тем более что церковное строительство вновь интенсифицировалось именно в 1890-е гг. Церковь в Сосновце во имя свв. Веры, Надежды, Любви и Софии (1888–1889 гг., помощник петро-

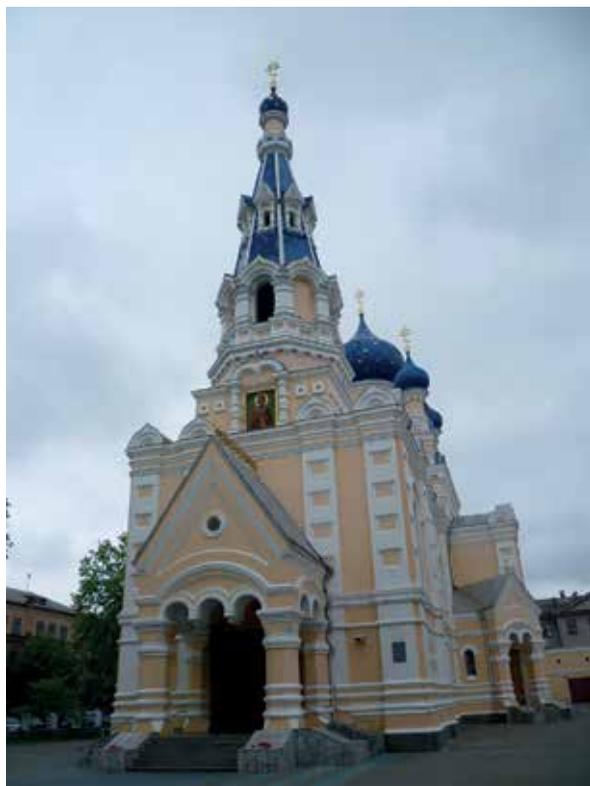
ковского губернского архитектора Прокофьев) имеет оригинальный план: ее основной объем представляет собой октагон с 4 ризалитами и завершен массивной луковичной главой. План, т.о., приближен к равноконечному греческому кресту, к которому с запада примыкает притвор с шатровой колокольной. Храм богато декорирован „узорочьем”. К „московско-ярославскому” стилю относились проект перестройки Софийского собора в Гродно в пятиглавый храм с шатровой колокольной (1895–1899 гг., арх. Н. М. Чагин, не сохр.), гимназическая церковь св. мученицы Татианы в Варшаве, 1892–1897 гг., В. Н. Покровский, полностью перестроена; Михаило-Архангельская церковь Литовского полка в Варшаве, 1892–1894 гг., архитектор А. А. Набатов, строитель Люддерс, с элементами декора в духе храма св. Василия Блаженного, не сохр.; церковь св. Алексия Митрополита в Лодзи, 1894–1896 гг., пятиглавая на четверике, с галереей, перестроена; церковь свв. апостолов Петра и Павла в Зегже, 1895–1899 гг., трехчастная, с оригинальным декором, перестроена; 9-купольная Покровская церковь в Соколове (Соколув-Подляски), губернский арх. И. О. Сидоровский, 1897 г., не сохр.; церковь свят. Николая в Лапах, 1898 г., одноглавая, с шатровой колокольной над притвором, полихромными завершениями, не сохр.; церковь св. Димитрия в Киевце (арх. Н. М. Чагин?), 1898–1902 гг., не сохр. Образец высокопрофессионального проектирования в „московско-ярославском стиле”, характерный для творчества М. Т. Преображенского, представлял собой собор свят. Николая в Радоме. Близкий к кубическому объем был завершен центральным шатром и боковыми луковичными главами и богато декорирован (1897–1902 гг., полностью перестроен).⁴⁷ Еще один столичный архитектор – Д. А. Крыжановский, спроектировал курортную церковь св. Арх. Михаила в Герберсдорфе в Силезии, единственную в обширном регионе (ныне Соколовско, Польша, 1898–1901 гг.). Одноглавый кирпичный храм с изящной декоративной отделкой напоминает произведения Л. Н. Бенуа. Менее оригинален проект пятиглавого собора для Белостока в духе XVII в. (1905 г., арх. И. К. Плотников, не реализован). Пятиглавая, с миниатюрными боковыми главками, церковь свят.

⁴⁴ Попадюк (1991: 104). В идеале „это не «изъяснение» тектоники, но и не скрывающее тектонику «одеяние» – а то и другое вместе, во взаимодействии”.

⁴⁵ Епихин (1992: 118–120).

⁴⁶ Сулганов (1905: 29–30).

⁴⁷ Глинский (1902: 64–67).

Илл. 14. Никольская Братская церковь, Брест, фото автора

Илл. 15. Преображенский собор, Плоцк, открытка, собрание А. Сосны

Николая в Кольно (1904–1905 гг., архитектор Ф. Ф. Пшеславский) при типичной трехчастной композиции отличалась оригинальным завершением высокой колокольни над притвором (луковичная главка на барабане вместо шатра) и богатым объемным полихромным декором в „московско-ярославском стиле” (не сохр.).

Данная стилистика сохранялась в большинстве церковных построек в Польше и отчасти в России и в начале XX в. (Христорожественская церковь в Скерневицах, 1899–1903 гг., трехчастная, с высоким четвериком, сочетала тоновскую схему и узорчье, перестроена; Бо-

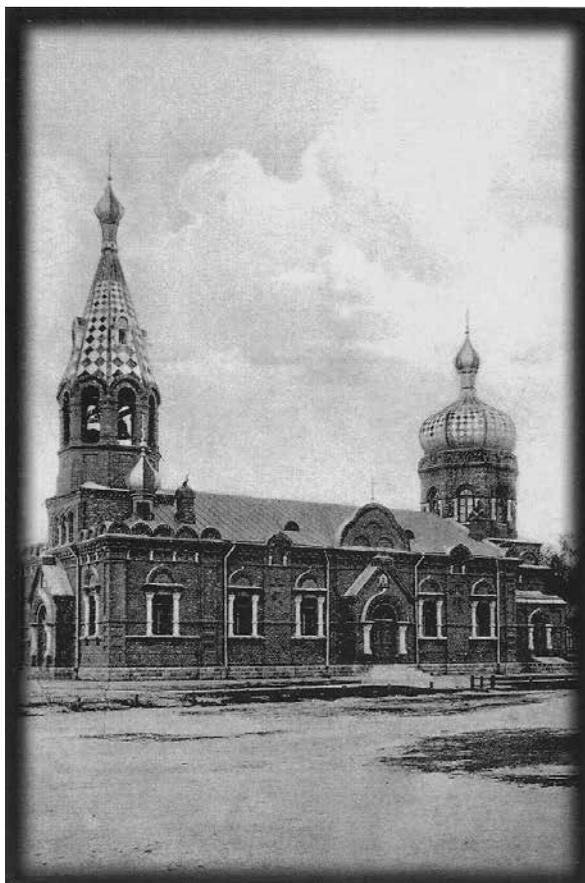
городичная церковь в Велюни, 1900–1902 гг., полностью перестроена; полковая церковь Московских святителей Алексия, Петра, Филиппа и Ионы в Холме, 1901–1908 гг., не сохр.; Троицкая церковь в Пултуске на горе Абрахама, 1903–1905 гг., руководитель работ арх. Поплавский, не сохр.; Никольская Братская церковь в Брест-Литовске (Брест, Белоруссия), 1903–1906 гг., губернский арх. И. А. Плотников, илл. 14; Крестовоздвиженская церковь в Гродиславице, 1908 г., епархиальный арх. А. И. Пуринг, не сохр., церковь в Топольце, 1910–1911 гг., арх. Пуринг, трехчастная с шатровой колокольней и пятью миниатюрными вытянутыми луковичными главками, перестроена). Типовой трехчастный храм тоновского характера – собор Преображения в Плоцке (1865–1867 гг., строитель Б. Бродзич-Жоховский, илл. 15) был в нач. XX в. удачно расширен и переделан с сохранением композиции в духе модного московско-ярославского узорчья (не сохр.).

Близок к „романовскому стилю” тип базиликальных бесстолпных военных храмов с 1 главой и шатровой колокольней над притвором, широко и разнообразно представленный в Привисленском крае (Петропавловская в Варшаве, 1902–1904 гг., перестроена; Петропавловская в Остроленке, 1902–1904 гг., перестроена; Знаменская в Коньске, 1903 г., не сохр., Александро-Невская в Прасныше /Przasnysz/, 1903, не сохр., Грузинской иконы Божией Матери в Люблине, 1903–1907 гг., перестроена; Георгиевская в Сташове, 1904 г., не сохр.; Александро-Невская церковь в Сувалках с шатровыми галереями и пятиглавием, 1904–1907 гг., перестроена, илл. 16; Троицкая в Пулавах, 1909 г., перестроена, илл. 17; Николаевская в Августове, 1910–1912 гг., перестроена; Александро-Невская в Модлине, не сохр., а также Покровская церковь (собор) в Гродно, 1904–1907 гг., арх. П. Позаров, И. Е. Савельев). Данный образцовый проект был разработан в 1900–1901 гг. военным инженером Ф. М. Вержбицким. Из 14 находившихся на территории Польши военных храмов этого типа 9 значительно перестроены и 5 снесены в 1920–70-е гг.

В конце 1890-х -1900-е гг. в России был построен ряд храмов, по декоративной отделке соответствующих стилистике московско-ярославского зодчества XVII в., но отличающиеся использованием новых облицовочных матери-

Илл. 16. Александро-Невская церковь, Сувалки, открытка, собрание А. Сосны

Илл. 17. Троицкая военная церковь, Пулавы, открытка, собрание А. Сосны

алов (кирпич, керамика), отсутствием „коврового заполнения” плоскости стены, что позволило, в частности, воспринимать ее тектонику, оригинальной композицией, заимствованиями из ранне-московского, псковского и новгородского зодчества (архитекторы А. И. фон Гоген, Г. Д. Гримм, Г. Г. фон Голи, А. Л. Гун).

Элементы нового стиля присутствуют и в ряде храмов, построенных в пределах Польши. Характерна отделка церкви св. Иоанна Лествичника на Вольском кладбище в Варшаве (1902–1905 гг., епархиальный арх. В. Н. Покровский, илл. 18). Покровский более тяготеет к стилистике московско-ярославского стиля, отличающейся в его проектах некоторой сухостью (здесь – заимствованный из храма Спаса-на-Крови мотив гигантских кокошников, венчающих фасады здания, и отделка крыльца). Однако храм отличают и другие черты: вертикализм объемно-пространственной композиции, следующей, как и некоторые элементы декора (аркатурно-колончатый пояс), скорее древним владими́ро-суздальским образцам, сдержанное наружное убранство, применение распростра-

ненного в эпоху модерна светлого облицовочного кирпича. Интереснее по пропорциям другая постройка Покровского – пятиглавая церковь св. Ольги лейб-гвардии Гродненского гусарского полка в Варшаве (1902–1903 гг., не сохр.). Зодчий явно вдохновлялся московскими шатровыми храмами XVI в. Оригинальна шатровая трехпролетная звонница над притвором. Новгородские мотивы (план, близкий к квадрату, шипцовые завершения фасадов, трехчастное деление стен) читаются в архитектуре еще одной варшавской полковой церкви – преп. Мартиниана лейб-гвардии Уланского полка (1903–1906 гг., арх. Л. Н. Бенуа, перестроена). При этом присутствует определенная дробность декора – наличники окон венчающего восьмерика отделаны в духе узорочья XVII в., а нижний ярус украшен „владими́ро-суздальским” аркатурным поясом. Эти церковные сооружения, особенно Иоанновская и Ольгинская церкви – памятники периода, переходного к неорусскому стилю. Уже переехав в Харьков, В. Н. Покровский продолжал работать в той же стилистике (Трехсвятительская церковь, 1906–1914 гг., совместно

с арх. М. И. Ловцовым и др.). Влияние архитектуры храма Покрова на Нерли можно было видеть в формах церквей св. Параскевы в Холме (проект архитектора Пурина 1913 г., не сохр.) и Свято-Владимирской в Опочне, 1911 г. (одноглавая, центричная, крестообразная в плане, с массивными кокошниками, не сохр.). Лаконичным декором и выразительным силуэтом, особенно колокольни, отличается пятиглавая Покровская церковь в Давид-городке (Белоруссия, 1912 г.). Эти памятники можно считать переходными к новому этапу русского стиля – неорусскому.

Данный стиль ориентирован преимущественно на древнее псковское и новгородское, а также раннемосковское, зодчество, эстетику модерна и практически не связан с официальным заказом.⁴⁸ Верность мотиву, декору предшествующего времени сменила верность структуре, точность детали за счет целого – целостности за счет пластической экспрессии, деформации, нарочитой архаизации детали, асимметрии плавно перетекающих форм. „Неорусский стиль затронул в основном сферу уникального строительства”.⁴⁹ В частности, он получил широкое распространение в строительстве старообрядческих моленных, монастырских подворий, усадебных и дачных храмов (архитекторы В. А. Покровский, А. П. Аплаксин; И. Е. Бондаренко, Д. А. Крыжановский, А. В. Щусев, С. И. Вашков). Постройки в неорусском стиле С. У. Соловьева тяготеют к зодчеству Пскова и Новгорода, но воспроизводимому в суховатых геометрических формах. В провинции памятники неорусского стиля – редкость, но в Польше было несколько примеров таких построек. Целостностью в духе классических новгородских храмов XII–XIV вв. и сдержанностью объемного решения и отделки отличается храм во имя св. Алексия, митрополита Московского, в Скерневицах – летней резиденции последнего государя. Частная императорская постройка была сооружена в неорусской стилистике по проекту столичного синодального архитектора В. М. Андросова (в эмиграции работавшего в Югославии) в 1910–1912 гг. (не сохр.). Лапидарностью решения в духе псковских часовен отличается

миниатюрная Георгиевская церковь в имении Лопухиных близ Болеславца (перестроена). Свойственные неорусскому стилю геометризм, изломанные силуэты завершений, контрастирующее с основным объемом нарочито миниатюрное пятиглавие присущи церквям св. Иоанна Богослова в Хусыне (*Husynne*, 1909–1911 гг., арх. Пуринг, не сохр.) и св. Симеона Столпника в Брянске (1910-е, не сохр.).

Другие мастера этого времени (Л. Н. Бенуа, А. Н. Померанцев, М. Т. Преображенский) к неорусскому стилю почти не обращались. Они тяготели либо к стилю XVII в., либо к владимиро-суздальскому зодчеству XII в., ростовским, московским памятникам XV–XVII вв., прежде всего, Успенским соборам во Владимире и Московском Кремле, более монументальным и сдержанным по декору. Ретроспективное направление („новый историзм”) стало альтернативным модерну путем преодоления эклектизма.⁵⁰ Основные его черты – сочетание прямого архитектурного цитирования декоративного убранства (подобно „романовскому стилю”), со стремлением использовать прогрессивные конструкции и новые строительные материалы (прежде всего, особенно в 1910-е гг., железобетон). Постройки часто возводились по императорскому, государственному заказу. Ретроспективное направление затронуло более всего Санкт-Петербург (храм Христа Спасителя в память моряков, погибших в русско-японскую войну, 1910–1911 гг., арх. М. М. Перетяткович; Феодоровский собор к 300-летию дома Романовых, арх. С. С. Кричинский, 1911–1914 гг.), в Москве был сооружен Александро-Невский собор (арх. А. Н. Померанцев, 1913–1917 гг., не сохр.). Одним из самых известных храмов, выстроенных в стилистике раннего монументального ретроспективизма, стал собор св. Александра Невского в Варшаве с 70-метровой колокольной наподобие „Ивана Великого” (Л. Н. Бенуа, 1894–1912 гг.). К данному типу примыкает, напр., Никольская церковь в Сосновицах (Сосновец, 1901–1906 гг., арх. Н. В. Покровский, не сохр.).⁵¹ Величественный пятиглавый храм с ша-

⁴⁸ См. Борисова (1984: 137–182); Борисова (1978: 41–46); Бицадзе (2009).

⁴⁹ Кириллов (1979: 98).

⁵⁰ Кириков (1993: 14). Модерн „стремится к созданию... подчеркнуто современного стиля”, ретроспективизм „напротив, наследует парадигму историзма, но... эклектике... противопоставляет четкие предпочтения и жесткий волюнтаризм выбора прототипов” Кириков (1993: 143).

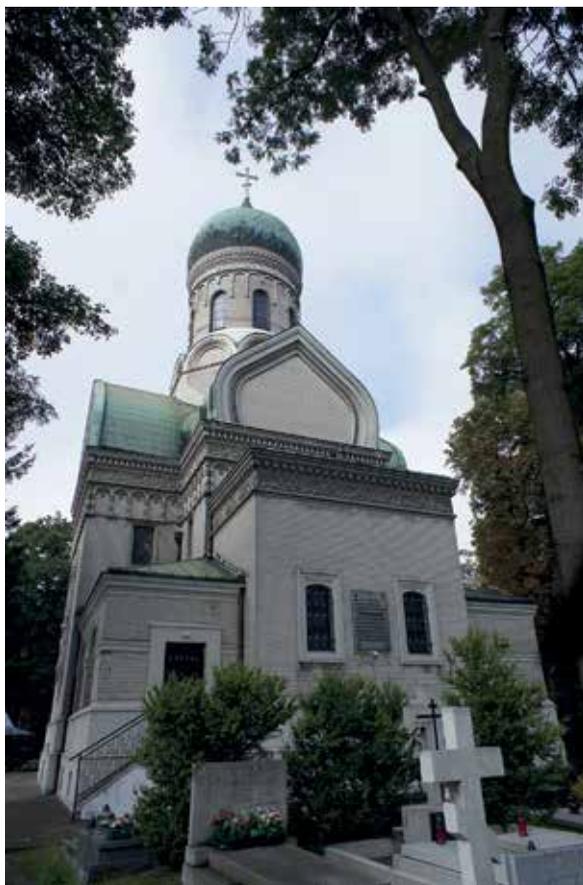
⁵¹ См.: Dziewiatowski (2010).

тровой колокольной над притвором отличался открытой кирпичной кладкой и сдержанным характером декора в духе XVII в.

„Романо-византийское направление” в нач. XX в. сохранялось и включило элементы модерна (церковь во имя иконы *Божией Матери Всех Скорбящих Радость* в Варшаве, 1902, арх. Й. Дзенковский, не сохр.). Особенно интересна спроектированная варшавским архитектором, помощником Л. Н. Бенуа с 1898 г., академиком П. А. Феддерсом церковь св. Алексия Митрополита в психиатрической больнице в Творках (Прушков, 1904 г., перестроена), композиционно тяготеющая к образцам древнехристианского зодчества Армении и Грузии. Оригинальна по композиции и еще одна постройка Феддерса, уже в русском стиле – церковь в Новорадоме (Радомско, 1909–1912 гг., не сохр.), в которой в духе модерна удачно сочетаются основной объем, завершенный нарочито массивной луковичной главой, и столпообразная шатровая колокольня ярославского типа.

Ретроспективизм вышел за рамки собственно русского стиля – не только русский стиль стал применяться для строительства храмов. В Санкт-Петербургской архитектуре 1910-х гг. (напр., в творчестве А. П. Аплаксина) намечалась тенденция к повторному освоению в храмовом зодчестве классицистического наследия. И в западно-белорусских землях, уже в 1920-е – 30-е гг., одновременно с процессом массового разрушения церквей в Центральной Польше, было сооружено несколько православных храмов, преимущественно в формах неоклассицизма (Покровский собор в Барановичах, 1924–1931 гг., архитектор К. Ольминский, илл. 19).⁵²

В заключении следует отметить, что тоновские образцовые проекты, особенно в провинциальном строительстве как Российских губерний, так и Восточной Польши, Белоруссии, Прибалтике, оказались наиболее универсальными с точки зрения рецепции заказчика и прихожан, включая экономическую и эстетическую составляющие. При этом отсутствовало их точное воспроизведение из альбомов, наиболее востребован был сложившийся к XVII в. тип трехчастной церкви с основным объемом, сооруженным по крестово-купольному типу, прямоугольных в плане трапезной и притвора

Илл. 18. Церковь св. Иоанна Лествичника, Варшава, восточный фасад, фото автора

Илл. 19. Покровский собор, Барановичи, фото автора

⁵² См.: Харэўскі (2008).

с возвышающейся над ним колокольней. Тип центричного храма встречается реже. Начиная с середины XIX в. и до вынужденного прекращения церковного строительства, благодаря своей простоте, экономичности и выразительности тоновский стиль был наиболее широко распространен в России, и для сельского строительства. „Русское начало” в архитектуре проявлялось через луковичные, реже шатровые, завершения, и аппликативный декор из арсенала древнерусского зодчества, преимущественно XVI–XVII вв. Эволюция развития стиля была направлена на 1) создание более сложных, но не всегда гармоничных по пропорциональному решению, композиций; 2) на воспроизведение форм московско-ярославского узорочья 17 в., 3) применение, наряду с русскими, романских и византийских мотивов. Византийский стиль оказался не менее востребован, чем тоновский, при сооружении городских храмов в Центральной Польше.

Идеология стиля не выходила за пределы парадигмы „православие-самодержавие-народность”, а собственно стилистика не регламентировалась заказчиком и оставалась на усмотрение проектировщиков, поэтому пределы русско-византийского начала в зодчестве были не ограничены.

Наиболее распространенные в Польше типы храмов – в Центральной – соборы в губернских и уездных городах, церкви военного ведомства, в Восточной – сельские приходские церкви. В Центральной Польше в связи со сложной национально-политической ситуацией и приграничным положением существовала значительная концентрация воинских частей и соединений. Строительство новых церквей осуществлялось преимущественно за казенный счет – на средства Министерства внутренних дел и Военного министерства, а также при помощи воинских командиров, губернаторов и глав уездов, российских благотворителей (например, представителей императорской семьи или столичного купечества, чиновничества). В Лодзи и Сосновце в строительство церквей вложились немецкие и еврейские фабриканты. Имелись примеры строительства церквей русскими помещиками, которым передали конфискованные после 1863 г. поместья (базиликальная церковь Спаса Нерукотворенного, Рачки, 1903 г., не сохр.; Георгиевская церковь в имении Лопухиных). Сре-

ди посвящений храмов преобладали связанные с небесными покровителями царствующих государей (12 Александро-Невских и 15 Никольских храмов) и членов царствующего дома.

Церкви в пределах Центральной Польши, хотя в их сооружении, за исключением Л. Н. Бенуа и отчасти В. Н. Покровского, редко принимали участие крупные мастера, отличались значительным разнообразием типологии и в большинстве своем – профессионализмом постройки и художественными достоинствами. Разнообразие касалось и их стилистики: это и храмы, восходящие к образцовым тоновским проектам, и стилизации в духе московско-ярославского зодчества XVII в., и малочисленные примеры привнесения черт новгородско-псковской архитектуры и элементов модерна, и вариации на тему „русско-романского” стиля, вполне уместные в общеевропейском контексте. Здесь встречалось преимущественно авторское проектирование, преобладало городское храмо-строительство. Но присутствие региональных или общеевропейских мотивов не следует преувеличивать – например, значительное число необарочных стилизаций в поздней польской архитектуре позволяет предполагать, что в первую очередь, барокко представлялось национальным польским стилем, как русский стиль – в России. Но в Польше не было сооружено ни одного необарочного православного храма.

В Восточной Польше, где исторически преобладало православное население, церковное строительство в значительной степени велось по образцовым проектам в различных модификациях (вплоть до начала XX в.) и больше в сельской местности. Оно соответствовало эволюции православного храмо-строительства российской провинции.

Предварительное изучение вопросов церковного строительства в Центральной Польше не позволяет утверждать, что его доминирующей мотивацией было противостояние католичеству и необходимость русификации. Государственный заказ играл определяющую роль, но церковное строительство отражало реальный рост православного населения: военных, купечества, дворян, крестьянства, вносило новый религиозно-культурный контекст в сложившуюся среду, играло особенно значимую градостроительную роль. Лишь в редких случаях (собор св. Александра Невского, в некоторой степени – военные

храмы) оно открыто декларировалось как знак утверждения русского национального и православного начала.

Трагический период массового уничтожения храмов в 1920-е и последующие годы не является предметом рассмотрения в настоящей работе. Но следует отметить, что процент утрат православных храмов (по ориентировочным подсчетам на основе книги Г. Сосны и К. Сокола, в Центральной Польше 63 храма были разрушены, 24 перестроены, из них 3 ныне возвращены и 6 сохранилось) не имеет себе равных в мирных условиях даже в сравнении с Советской Россией. По общим масштабам церковных разрушений Польша занимает после нее второе место. Несмотря на объективные факторы – резкое уменьшение численности русского православного населения в Центральной Польше вследствие отступления русской армии в 1-ю мировую войну и последующих событий, уничтожение храмов в обеих странах было обусловлено, в первую очередь, идеологическими мотивами: политикой террора против собственного народа и воинствующего атеизма в Советской России и национализмом с антиправославными и антироссийскими предрассудками тогдашней польской власти. Несомненно, что большинство храмов представляли собой добротные, отличающиеся художественными достоинствами строения, которым можно было бы найти достойное применение. Преобладание идеологической, а не функциональной мотивации, доказывает тот факт, что разрушались храмы, которые могли бы использоваться в иных, внебогослужебных – светских целях, а также те, которые уже потеряли свое прежнее назначение и были приспособлены под костелы.

Характер разрушений храмов по идеологическим причинам показателен для изучения семантики русского стиля – уничтожалось всегда то, что было наиболее значимо символически, свидетельствовало о специфике и задачах сооружения, декларировалось храмостроителями и „провоцировало” рецепцию или отторжение – и в таком случае вызывало особую неприязнь противников русского влияния. По характеру перестроек храмов очевидно, что элементами, воспринимавшимися как символы русификации, были, в первую очередь, луковичные купола и в меньшей степени – другие формы завершений, в частности, шатры. Шлемовидные

и полуциркульные завершения византийского типа обычно сохранялись, а в некоторых случаях (Кирилло-Мефодиевская церковь в Ченстохове) они заменяли собой разрушенные луковичцы. Снос завершений храмов, их символическое „обезглавливание” приводило и к потере их значения в качестве градостроительных доминант. Русский храм, по мнению властей, не должен был доминировать в застройке польского города и служить напоминанием об имперском периоде. Сносились, в первую очередь, церкви, занимавшие важное градостроительное положение в центрах городов, а скромные кладбищенские или периферийные храмы могли сохраниться (Варшава, Плоцк, Сосновец) или даже отстраиваться вновь (Станиславово). Наружное декоративное убранство, включавшее романо-византийские элементы, менялось при перестройках мало, но интерьеры – прежде всего, иконостасы, чаще всего уничтожались полностью.

То, что в период т.н. „реиндикации” значительное большинство храмов было разрушено или капитально перестроено, создает, наконец, серьезную проблему изучения их истории, реконструкции художественного облика, прежде всего, интерьеров. Зачастую остается невыявленной историческая иконография, включая планографию и фотоматериалы (в работе А. Сосны и К. Сокола использованы, в первую очередь, старые открытки).

Что показывает сравнение храмостроительства в Польше и на других „национальных окраинах” империи, например, территориально примыкающих к петербургскому региону Эстонии и Финляндии? Художественные достоинства построенных там храмов, за исключением значимых в масштабах империи соборов – Успенского в Гельсингфорсе и Александро-Невского в Ревеле – в целом уступали церковным сооружениям „Привисленского края”. Это особенно касалось Эстонии, где церкви строили преимущественно по образцовым проектам в сельской местности с использованием местного строительного материала – булыжного камня и для перешедших в православие бедных местных крестьян. Но дальнейшая судьба этих храмов оказалась куда более благоприятной, чем в Польше – в независимой Эстонии не только не сносились храмы (за исключением нескольких военных), но и не прекращалось церковное строительство, хотя и занимало маргинальное положение: конечно,

православное население там несколько увеличилось за счет эмиграции. Закрытие, частичное разрушение церквей в Эстонии или их передача другим конфессиям относилась к периоду советского владычества. В Финляндии закрытию и разрушению подверглись большинство военных храмов, но приходские церкви уцелели и действуют.

В конце 1990-х гг. в России и десятилетием раньше – в Польше, в отличие от Прибалтики (кроме Таллина и Нарвы) и, за редким исключением, Финляндии, возобновилось церковное строительство. Появляются удачные примеры стилизаций в духе Древней Руси и Византии, учитывающих при этом современные требования к проектировщикам (напр., проекты Е. Усциновича в Польше). Они представляют собой особый предмет для изучения. Однако, в отличие от современного российского храмостроительства, преимущественно направленного на воссоздание утраченного наследия, связь с традицией исторического храмостроительства в Привислинском крае в современном церковном строительстве Польши практически не прослеживается.

Архивные источники

РГИА 1841 = Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), Санкт-Петербург, ф. 216, оп. 2, д. 175, л. 1, 1 об, 1841.

Библиография

Антонов, Берташ, Исакова, Крылов, Шкаровский, Яковлев 2006 = Антонов, В. В., Берташ, А[лександр] В., Исакова, Е. В., Крылов, Н. С., Шкаровский, М. В., Яковлев, Н. А.: *Земля Невская Православная: Краткий церковно-исторический справочник*, Православная Русь, Санкт-Петербург 2006.

Антонов, Кобак 2010 = Антонов, В[иктор] В., Кобак, А[лександр] В.: *Святые Санкт-Петербурга*, Энциклопедия христианских храмов, Санкт-Петербург 2010.

Атлас 1853 = *Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ*, Санкт-Петербург 1853.

Берташ 2005 = Берташ, А[лександр] В.: „Воскресенский соборный храм” [в:] *Православная Энциклопедия*, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (ред.), т. 9, Москва 2005.

Берташ 2013 = Берташ А[лександр] В.: „Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е гг. в России: столица и национальные окраины”, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. Искусствоведение*, Вып. 1 (2013): 178–198.

Бицадзе 2009 = Бицадзе, Н. В.: *Храмы неорусского стиля: идеи, проблемы, заказчики*, Москва 2009.

Борисова 1978 = Борисова, Е[лена] А.: „Некоторые вопросы изучения русской архитектуры второй пол. XIX – начала XX вв.: Неорусский стиль в русской архитектуре предреволюционных лет” [в:] *Из истории русского искусства второй половины XIX – начала XX века*, Москва 1978: 41–46.

Борисова 1979 = Борисова, Е[лена] А.: *Русская архитектура второй половины XIX века*, Москва 1979.

Борисова 1984 = Борисова, Е[лена] А.: „Архитектура в творчестве художников Абрамцевского кружка (У истоков неорусского стиля)” [в:] *Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX века*, Г. Ю. Стернин (ред.), Москва 1984.

Власюк 1985 = Власюк, А. И.: „Эволюция строительного законодательства России в 1830–1910-е годы” [в:] *Памятники русской архитектуры и монументального искусства*, Всеволод П. Выголов (ред.), Москва 1985: 226–246.

Глинский 1902 = Глинский Н[иколай]: „Новый православный собор в Радоме и его освящение”, *Холмско-Варшавские Епархиальные Ведомости*, 6 (1902): 64–67.

Епихин 1992 = Епихин, С. В.: „Храм Воскресения на Екатерининском канале – орнамент и язык” [в:] *Архитектура Петербурга*, Материалы исследований, ч. 2, Санкт-Петербург 1992: 118–120.

Жиркевич 1911 = Жиркевич, А[лександр] В.: *Академик Н. М. Чагин (1823–1909)*, Вильна 1911: 37.

Жуковский 1856 = Жуковский, А. Т.: *О художественных архитектурных произведениях*, Санкт-Петербург 1856.

Кириков 1993 = Кириков, Б[орис] М.: „Неоклассицизм в архитектуре Петербурга – Петрограда”, *Краеведческие записки*, Исследования и материалы, вып. 1 (1993).

Кириков 1993а = Кириков, Б[орис] М.: „Храм Воскресения Христова (к истории «русского стиля» в С.-Петербурге)”, *Невский архив*, вып. 1 (1993).

Кириков 1996 = Кириков, Б[орис] М. (ред.): *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века, справочник*, Санкт-Петербург 1996.

Кириков 1996а = Кириков, Б[орис] М.: „Градоительство Петербурга периода эклектики”, *Краеведческие записки*, Исследования и материалы, вып. 4 (1996).

- Кириллов 1979 = Кириллов, В[ладимир] В.: *Архитектура русского модерна: опыт формологического анализа*, Москва 1979.
- Кириченко 1984 = Кириченко, Е[вгения] И.: «К вопросу о пореформенных выставках России как выражении исторического своеобразия архитектуры второй половины XIX в.» [в:] *Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX века*, Г. Ю. Стернин (ред.), Москва 1984.
- Кириченко 1986 = Кириченко, Е[вгения] И.: *Архитектурные теории XIX века в России*, Искусство, Москва 1986.
- Кириченко 1988 = Кириченко, Е[вгения] И.: «Романтизм и историзм в русской архитектуре XIX в. (к вопросу о двух фазах эклектики)», *Архитектурное наследие*, вып. 36 (1988): 130–143.
- Кириченко 1993 = Кириченко, Е[вгения] И.: «О взаимосвязи России и Запада в архитектуре в Новое время», *Искусствознание*, 2/3 (1993).
- Кириченко 1995 = Кириченко, Е[вгения] И.: «Искусство и Государь Николай Павлович» [в:] *Архитектура мира*, Н. И. Смолина (ред.), Материалы конференции Запад-Восток: личность в истории архитектуры, вып. 4, НИИТАГ, МАРХИ, ГНИМА, Москва 1995: 68–74.
- Кириченко 1997 = Кириченко, Е[вгения] И.: *Русский стиль*, Москва 1997.
- Кириченко 1999 = Кириченко, Е[вгения] И.: «Николай I и Александр II. Государственная политика в области архитектурно-градостроительной деятельности», *Власть и творчество. Архитектура в истории русской культуры*, вып. 4 (1999): 127–137.
- Кириченко, Нащокина 2001 = Кириченко, Е[вгения] И., Нащокина, М[ария] В.: *Градостроительство России середины XIX – начала XX века*, Санкт-Петербург, Москва 2001.
- Клешнина 2010 = Клешнина, Л[юдмила]: «Панорама православного храмостроительства в Латвии» [в:] *Материальные памятники русской культуры в странах Балтии. 1710–2010*, Таллинн-Рига-Вильнюс 2010.
- Косяков 1896 = Косяков, В[асилий] А.: *О перестройке Екатерининской Екатерингофской церкви и о некоторых особенностях бывшей ее конструкции*, [Санкт-Петербург] 1896.
- Кулагин 2007 = Кулагин, А[натолий] Н.: *Православные храмы Беларуси*, Минск 2007.
- Лисовский 2000 = Лисовский, В[ладимир] Г.: «Национальный стиль» в архитектуре России, Москва 2000.
- Морган 1845 = Морган, В.: *Проекты каменных и деревянных церквей в русско-византийском стиле со всеми деталями, иконостасами и чертежами устройства парусов, куполов, сводов, кружал, стропил, лесов и всех укреплений практических*, Санкт-Петербург 1845.
- Отчет 1866 = *Отчет Императорской Академии Художеств с 4 ноября 1869 по 12 сентября 1855 г.*, Санкт-Петербург 1866: 112.
- Павлова 2002 = Павлова, А[нна] Л.: «Русский стиль в церковной архитектуре XIX века: храмы соборного типа», Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, Москва 2002.
- Пантелеев 2011 = Пантелеев, А[лександр]: «Об архитектуре православных храмов Эстонии» [в:] *Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии*, Янус Платт, Арне Маасик (авт.), Таллинн 2011: 32–47.
- Попадюк 1991 = Попадюк, С[ергей] С.: «О декоре», *Архитектура СССР*, 1 (1991).
- Попов 1916 = Попов, А. Д.: *Император Александр III*, Пг. 1916.
- Путятин 2013 = Путятин, И[лья] Е.: *Образ храма русского ампира*, Памятники исторической мысли, Москва 2013.
- Славина 1989 = Славина, Т[атьяна] А.: *Константин Тон*, Стройиздат, Ленинград 1989.
- Славина 1994 = Славина, Т[атьяна] А.: «Архитектура 1830–1890-х гг.» [в:] *История русской архитектуры*, Ю. С. Ушаков, Т. А. Славина (ред.), Санкт-Петербург 1994.
- Слободян 1997 = Слободян, В.: «Дерев'яне церковне будівництво Холмщини і південного Підляшшя в православний період: 1875–1914 рр.», *Вісник інституту Укрзахідпроектреставрація*, т. 8 (1997): 76–82.
- Слюнькова 2010 = Слюнькова, И[несса] Н.: *Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи*, Москва 2010.
- Султанов 1905 = Султанов, Н[иколай] В.: *Описание новой придворной церкви Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, что в Новом Петергофе*, Санкт-Петербург 1905.
- Устав 1842 = *Устав Строительный*, Санкт-Петербург 1842.
- Харэўскі 2008 = Харэўскі, С[яргей] В.: *Культывае дойдства Заходняй Беларусі 1915–1940 гг.*, Вільня 2008.
- Щенков, Вятчина 1996 = Щенков А[лексей] С., Вятчина, Т[атьяна] Н.: *Об иконографии и тонике православного храма*, Москва 1996.
- Baur 1981 = Baur, Christian: *Neugotik*, Muenchen 1981.
- Biertasz 1998 = Biertasz, Aleksander: «Rosyjski styl narodowy w architekturze cerkiewnej okolic Petersburga (połowa XIX – początek XX wieku)» [в:] *Nacjonalizm w sztuce i historii sztuki 1789–1950*, Warszawa 1998.

- Cynalewska-Kuczma 2004 = Cynalewska-Kuczma, Paulina: *Architektura cerkiewna Królestwa Polskiego narzędziem integracji z Imperium Rosyjskim*, Poznań 2004.
- Dziewiatowski 2010 = Dziewiatowski, Mikołaj: *Dziedzictwo diaspory – Monografia parafii prawosławnej w Sosnowcu*, Sosnowiec 2010.
- Konstantynow, Paszkiewicz 1994 = Konstantynow, Dariusz, Paszkiewicz, Piotr (реда.): *Kultura i polityka: wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży Imperium Rosyjskiego (1772–1915)*, Warszawa 1994.
- Konstantynow, Piaseczny, Paszkiewicz 2001 = Konstantynow, Dariusz, Piaseczny, Robert, Paszkiewicz, Piotr (реда.): *Sztuka i władza*, Materiały z konferencji zorganizowanej przez Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk w dniach 30 XI – 2 XII 1998 roku, Warszawa 2001.
- Krasny 2003 = Krasny, Piotr: *Architektura cerkiewna na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej. 1596–1914*, Kraków 2003.
- Łoza 1931 = Łoza, Stanisław: *Słownik architektów i budowniczych Polaków oraz cudzoziemców w Polsce pracujących*, Warszawa 1931.
- Mignot 1983 = Mignot, Claude: *L'Architecture au XIXe siècle*, Fribourg 1983.
- Paszkiewicz 1991 = Paszkiewicz, Piotr: *Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915*, Warszawa 1991.
- Paszkiewicz 1999 = Paszkiewicz, Piotr: *W służbie Imperium Rosyjskiego, 1721–1917: funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami*, Warszawa 1999.
- Sienkiewicz 2006 = Sienkiewicz, Henryk: *Cerkwie w krainie kościołów*, Warszawa 2006.
- Sokoł, Sosna 2003 = Sokoł, Kirył, Sosna, Aleksander: *Kopuły nad Wisłą*, Moskwa 2003.
- Sokoł, Sosna 2011 = Sokoł, Kirył, Sosna, Aleksander: *Cerkwie w centralnej Polsce. 1815–1915*, Białystok 2011.
- Sosna 2000 = Sosna, Grzegorz: *Katalog świątyń i duchowieństwa prawosławnej diecezji Warszawsko-Bielskiej*, Białystok 2000.

Alexander V. Bertash

Russian church architecture in the Kingdom of Poland and the northwestern outskirts of Imperial Russia in the second half of the 19th century

Russian church architecture in the second half of the 19th century so far has not been well-researched. Yet, it is during this period of time that its stylistics was subject to a number of fundamental changes, which had been caused by resort to Russia's national heritage. During the reign of Nicholas I Russian style evolved within the framework of eclecticism. The style had its roots in the Old Russian heritage and was originally introduced by the architect K.A. Thon.

This paper explores the role of Thon's projects (i.e. his 'model projects') in the "Russification of the architecture" in Saint-Petersburg and in provinces. It also aims at analyzing ways in which Russian style was changed during the reign of the Emperor Alexander II, Alexander III, Nicholas II. A comparative analysis of stylistic characteristics of Orthodox churches in Saint-Petersburg area and on the northwestern outskirts of Imperial Russia, i.e. in Baltic provinces and in the Kingdom of Poland will be presented. Baltic churches have been commonly either bricked or cobblestoned in accordance with the model projects; mostly in the countryside. Their construction was funded by the government. As for Poland, a considerable number of military and parish churches displaying a great variation of architectural styles were mainly built in cities. Meanwhile, the situation was different for Eastern Poland, where a large part of the population had been traditionally orthodox and where the church architecture was mainly influenced by the model projects, with churches being primarily founded in the countryside. Particular attention in the paper is drawn to regional characteristics of church construction. A number of churches that serve as prototypical examples of the church architecture of the middle of the 19th century are examined. In addition, further information on architects is provided and is combined with a detailed analysis of a number of church buildings.